

КЛАДБИЩЕ КАК ПРОСТРАНСТВО ПАМЯТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА)

Александра Урбан - Подолан
Университет Зелёна-Гура, Польша

Резюме: В данной статье рассматривается кладбище как пространство памяти в художественной литературе Валентина Распутина, современного российского писателя. «Родина означает землю и могилы. Теряя эту память, нации теряют свою жизнь». Эти слова Фердинанда Фоша, французского маршала, наводят на размышления о значимости почитания и бережного отношения к могилам наших предков. Кладбище – это пространство памяти, которое связывает живых и мертвых. Оно также является символом права общества на свою землю. Таково значение кладбища в прозе Валентина Распутина (например, в повести «Прощание с Матерой»). Для большинства его протагонистов кладбище – это связь между поколениями и свидетельство о прошлом, без которого нет будущего, поскольку именно глубокое уважение к могилам наших предков является мерилем нашей человечности. Утрата памяти о мертвых – первый шаг к деградации человеческой индивидуальности. Это приводит к разладу личности, а потом и к потере связи с традицией, духовной морали, семейной памяти, исторической памяти и человечности как таковой.

Ключевые слова: русская литература, сельское проза, Валентин Распутин, культурная память, семья памяти, кладбище как пространства памяти.

«Родина – это земля и могилы. Народы, теряя память, теряют жизнь» – эти слова, принадлежащие, по всей вероятности, французскому маршалу Фердинанду Фошу (Kolbuszewski, 1996 : 5-6)¹, заставляют задуматься насколько важно для самосознания как всего народа, так и отдельного человека, проявление уважения и внимания к местам захоронения предков. По словам польского исследователя Яцека Кольбушевского, каждое посещение человеком могилы близкого является подтверждением потребности хранить память о сородичах, покинувших сей мир, которые, однако, продолжают оставаться в мыслях и чувствах живущих. Кладбище – это пространство памяти, которое создает своеобразную общность живых и мертвых. Кроме того, кладбище выступает как своего рода знак, обосновывающий право собственности данной группы людей (народа) на данную территорию (Kolbuszewski, 1996 : 18).

Вероятно, именно по этой причине месту для кладбища отводили значительную роль в организации человеческих поселений. Характеризируя русскую деревню, американская славистка Катлин

Партэ отмечает: «С некоторыми местными вариациями, каждая деревня имела постоянный набор составляющих: жилые дома (деревянные на севере и в Сибири, мазанки в центре и южных районах) и надворные постройки (амбары, сараи), огороды, сады, пруды, бани, колодцы, церковь, колокольню, кладбище» (Партэ, 2004 : 23).

Одной из доминант Распутинских описаний сибирских деревенских кладбищ является их живописное месторасположение, где кладбище горделиво и умиротворенно возвышается над всем окружающим пространством. В рассказе *Тетка Улита* (1984) читаем: «Кладбище высокое, словно вознесенное надо всем, что его окружает. От него хорошо видно во всю ее разлившуюся ширь Ангару, и, если встать лицом к воде, справа видны криволицкие елани, а слева бабушкины, аталанские» (Распутин, *Век живи...*, 2008 : 438). Писателем подчеркивается сопричастность живущих к миру умерших, нуждающихся в постоянном общении с ушедшими предками и односельчанами, благодаря чему создается впечатление о некоем почти равноправном статусе этих двух миров и их взаимопроникновении. Не случайно бабка Наталья из рассказа *Нежданно-негаданно* (1997) на вопрос о друзьях ее молодости с естественной простотой и уверенностью отвечает: «Они все в деревне. Кто в верхней, кто в нижней. «Нижней деревней» – поясняет повествователь – называли кладбище» (Распутин, *Век живи...*, 2008 : 601). В свою очередь, в тексте повести *Прощание с Матерой* (1976) кладбище определяется автором-повествователем не иначе как «более богатая деревня, [...] пристанище старших...» (Распутин, *В поисках...*, 2008 : 124).

В деревне Матере, расположенной на одноименном острове, которая изображена Валентином Распутиным в упомянутой выше повести, «кладбище лежало за деревней по дороге на мельницу, на сухом песчаном возвысе, среди берез и сосен, откуда далеко окрест просматривалась Ангара и ее берега» (Распутин, *В поисках...*, 2008 : 106). Стоит отметить, что в произведении значение образа кладбища выходит далеко за рамки лишь одного из типичных объектов деревенского пространства, становясь неким нравственно-смысловым стержнем в жизни сельчан, приобретая черты хранителя 300-летней истории деревни, а также религиозных ценностей, родовой памяти и всего духовного склада материнцев. Поэтому и невозможно не согласиться с выдвинутым русской исследовательницей Натальей Ковтун тезисом о сакральном характере кладбища в повести¹, разорение которого она считает одной из символических сцен, «за которыми угадывается приближение к пределу – затоплению земли» (Ковтун, 2009 : 324).

Действительно, сцена уничтожения кладбища санитарной бригадой и защиты его материнцами является едва ли не самой эмоциональной в произведении, поэтому в дальнейшем мы позволим себе процитировать довольно обширный отрывок из нее. Жители острова, оказавшегося в зоне затопления, пытаются предотвратить ликвидацию деревенского кладбища. Дряхлые деревенские старухи во главе с Дарьей бросаются с палками на работников, оскверняющих могилы, обзывая их «чертями, погаными душами, нечистой силой». Вскоре появляются чуть ли не все сельчане, которым совместными усилиями, под общий крик, угрозы и проклятия, удается отодвинуть начатое: «Те, кого Богодул называл чертями, уже доканчивали свое дело,

стаскивая спиленные тумбочки, оградки и кресты в кучу, чтобы сжечь их одним огнем. Здоровенный, как медведь, мужик [...] шагая по могилам, нес в охапке ветхие деревянные надгробия, когда Дарья, из последних сил вырвавшись вперед, ожгла его сбоку по руке подобранной палкой. [...] Сиротливые, оголенные могилы, сведенные в одинаково немые холмики, на которые она смотрела в горячечной муке, пытаясь осознать содеянное и все больше помрачаясь от него, вновь подхлестнули ее своим обезображенным видом. Не помня себя, Дарья бросилась опять с палкой на «медведя», бывшего ближе, но он перехватил и выдернул палку. Дарья упала на колени. У нее не достало сил сразу подняться, но она слышала, как истошно кричала Сима и кричал мальчишка, как в ответ кричали что-то мужики, потом крик, подхваченный многими голосами, разросся, распахнулся; кто-то подхватил ее, помогая встать на ноги, и Дарья увидела, что из деревни прибежал народ. [...] Шум стоял несусветный» (Распутин, *В поисках...*, 2008 : 108).

Для санитарной бригады кладбище в Матере – лишь «территория», которую положено очистить, как и многие другие «точки», лежащие в ложе будущего водохранилища. Материнцы же считают святым место, где покоится прах их дедов, родителей и детей, поэтому так яростно восстают против оскорбления памяти усопших.

Как утверждает Я. Кольбушевский, кладбище является «пространством бесконечного диалога и, в любом случае будучи общностью мертвых, становится также общностью живых, духовно соединенных в единый круг около своих покойных близких. Таким образом происходит как будто стирание оппозиционных границ между умершими и живыми» (Kolbuszewski, 1996 : 50). Поэтому клад-

бище является пространством, в котором с наибольшей очевидностью возможно сохранение и поддержание связи поколений. Именно это веками длящееся общение живущих с душами умерших и является одним из главных элементов, обеспечивающих непрерывность и прочность того особого вида памяти, который К. Партэ, вслед за В. Личутиным называет «родовой памятью»: «Есть в деревенской прозе временной пласт, который включает в себя чувство *родины* и народа. Этой родиной может быть Россия или весь славянский мир, но может быть и меньший топос, например регион (Центральная Россия или Сибирь) или одна-единственная деревня с ее жителями, связанная с вашим прошлым, настоящим и будущим. В. Личутин назвал это чувство осознания причастности к своей семье, роду *родовой памятью*. Эта память может прийти к вам внезапно [...]. И вы вдруг понимаете, что [...] не существуете отдельно, а связаны с поколениями людей, жившими за столетия до вас» (Партэ, 2004 : 79). При этом исследовательницей подчеркивается, что «родовая память – это сила, которая может укрепить нацию или отдельного человека» (Партэ, 2004 : 80).

Выдающийся русский филолог и искусствовед Д.С. Лихачев привязанность к родной почве, семье, языку и традициям считает необходимыми для формирования в человеке т.н. «нравственной оседлости» (Лихачев, *Письмо сорок первое*). Именно это качество проявляется во всей своей полноте в образе главной героини повести *Прощание с Матерой*, старухи Дарьи. Кладбище является для нее звеном, связывающим поколения, знаком прошлого, без которого немислимо будущее, а почтительное отношение к могилам покойных предков является показателем гуманности, как индиви-

дуальной, так и общества в целом. Посягательство на самое сокровенное, самое святое, т.е. прах ушедших поколений, в понимании старушки лишает человека той нравственной опоры, которая позволяет ему называться человеком. С уничтожения памяти о тех, кто жил до нас, начинается деградация человеческой личности, разлад с самим собой, а затем утрачивается и связь с традициями, религиозной моралью, родовой и исторической памятью и, в результате, с человечеством в целом. Поэтому, окончательно потеряв надежду на сохранение или перенесение кладбища из зоны затопления, старушка обращается к сыну, заключая с глубоким печальным предостережением: «Ежли мы кинули, нас с тобой не задумаются кинут [...] О-ох, нелюди мы, боле никто. Да как же без родных-то могилоч?!» (Распутин, *В поисках...*, 2008 : 223).

Таким образом, Дарья почти дословно повторяет вывод Д.С. Лихачева, изложенный ученым в письме *О памяти*: «[...] благодаря памяти прошлое входит в настоящее, а будущее как бы предугадывается настоящим, соединённым с прошлым. Память – преодоление времени, преодоление смерти. В этом величайшее нравственное значение памяти. «Беспамятный» – это, прежде всего, человек неблагодарный, безответственный, а следовательно, и неспособный на добрые, бескорыстные поступки» (Лихачев, *Письмо сороковое*).

В письме *Память культуры* находим своего рода продолжение и подытоживание этой мысли: «Забота о прошлом есть одновременно и забота о будущем...» (Лихачев, *Письмо сорок первое*). Схожее заключение делает К. Партэ в отношении творчества писателей-«деревенщиков», к числу которых принято причислять и В. Распутина: «Чувство принадлежности к корням и к родовой целостнос-

ти – одна из отличительных черт деревенской прозы [...]. Парадигма слов «родной» и «родное» включает землю, язык, дом, постоянное обновление, связывает живых, мертвых и еще не родившихся» (Партэ, 2004 : 81-82).

Своего рода продолжением *Прощания с Матерой* является написанная в 1985 году повесть *Пожар*. В ней изображена жизнь переселенцев из зоны затопления спустя двадцать лет. Главного героя Ивана Петровича терзают сомнения, связанные с мыслями о возможном переезде к сыну. Ему пришлось бы уже второй раз в жизни оставить обжитое за годы место. И если, когда в связи со строительством гидроэлектростанции под воду должно было уйти родное село Егоровка, у него не было выбора, то теперь решение о переезде он должен принять сам. И хотя в новопостроенном поселке, куда двадцать лет назад переселили жителей шести затопляемых деревень, жизнь изначально была далека от совершенства, он не представляет себе сейчас, что должен покинуть и Сосновку, бросив ее на произвол приезжих рабочих – непосед и шалопаев, не признающих никаких авторитетов и пренебрежительно относящихся к тому, что местные жители считают святым. В особенности, Иван Петрович не хочет оставлять без попечения могилы близких, над которыми, бывает, кошунствуют святотатцы: «А земля, которой отдана жизнь? И жизнь всего позадного, прежнего рода. Неужели оставить все это архаровцам, которые идучи с работы, по дороге сворачивают на кладбище оправляться [...]?» (Распутин, 1986 : 362) – с чувством горечи размышляет герой.

Таким образом, «архаровцы» выступают в данном случае отрицательным знаменем перемен, символом начавшегося процесса дегуманизации

общества. Это «беспамятные», пользуясь определением Д.С. Лихачева, люди, которые не только не обладают чувством «духовной оседлости», но и лишены элементарнейших нравственных ценностей, ориентирующих человека в его поведении и жизни – они лишены совести. Именно совесть, как справедливо отмечает Н. Тендитник, «[...] не позволяет герою [Ивану Петровичу – прим. А.У.-П.] покинуть родные места в трудные его часы и дни» (Тендитник, 1988 : 242). А совесть, по определению Д.С. Лихачева – «это, в основном, память, к которой присоединяется моральная оценка совершённого. [...] Без памяти нет совести. Вот почему так важно воспитываться в моральном климате памяти: памяти семейной, памяти народной, памяти культурной» (Лихачев, *Письмо сороковое*).

У Распутинской Дарьи из *Прощания с Матерой* взгляд на эту тему еще более категоричен: «Правда в памяти. У кого нет памяти, у того нет жизни» (Распутин, *В поисках...*, 2008 : 227). Миропонимание героини и ее самоутверждение в мире основано именно на «правде памяти». На привязанности к родной земле, на почтительном отношении к истории «малой родины», на бережном попечении о могилах предков держится строгость и твердость нравственных убеждений Дарьи, ими же обусловлена и ее бескомпромиссность в отношении соблюдения божественного закона и человеческих моральных установок. Поэтому тот факт, что не удастся сохранить прах родных, она воспринимает как личное поражение и испытывает чувство невыносимой душевной боли, но прежде всего ее мучает сознание вины перед усопшими, которую не искупить ничем. Совсем потеряв надежду внутренне получить у них прощение, она погружается в видение о собственной смерти и суде, совершаемом

над ее душой: «Ей представилось, как потом, когда она сойдет отсюда в свой род, соберется на суд много-много людей – там будут и отец с матерью, и деды, и прадеды – все, кто прошел свой черед до нее. [...] Она слышит голоса и понимает, о чем они, хоть слова звучат и неразборчиво, но самой ей сказать в ответ ничего. [...] А голоса все громче, все нетерпеливей и яростней... Они спрашивают о надежде, они говорят, что она, Дарья, оставила их без надежды и будущего (Распутин, *В поисках...*, 2008 : 226)».

Заканчивая эту часть наших рассуждений, приведем несколько фактов. В ходе строительства Братской ГЭС и заполнения Братского водохранилища было затоплено более 100 деревень, переселено свыше 74 тыс. людей, многих из них – вопреки их воле. Под воду ушли обжитые места, плодородные земли и густые лесные массивы. Согласно статистическим данным: «Братское водохранилище на 01.01.1967 года по площади составляло 4974 кв.км., по объему 149,9 куб.км. В сводных показателях по выполнению мероприятий связанных с подготовкой водохранилища, разработанных НИИ «Гидропроект», площадь ЗОНЫ ЗАТОПЛЕНИЯ обозначена в 5500 кв.км. [...] к моменту затопления коренное население Братского района было сосредоточено, в основном, в сельской местности. После затопления число сельских жителей и жителей поселков стало неуклонно снижаться» (Краеведческий сайт...).

Что касается непосредственно анализируемой нами темы, необходимо указать следующее: «Областная межведомственная комиссия по обеспечению готовности 1-ой очереди затопления, т.е. в момент затопления большинства старинных селений Братского района, 01.09.1961 года констатировала,

что «НЕ ОБРАБОТАНЫ КЛАДБИЩА И СКОТОМОГИЛЬНИКИ».

Из зоны затопления к 01.01.1962 году было вынесено только одно кладбище. Это было небольшое кладбище пос. Прокопьевск, где вместе с русскими хоронили ссыльных литовцев.

Конечно, разрешение на перенос трупов близких родственников с кладбищ ЗОНЫ затопления давалось, но не все смогли им воспользоваться. Применялось оно тогда только в 193 случаях» (Краеведческий сайт...).

Тематика пагубных последствий создания искусственных водоемов на Ангаре, сопоставимых с Апокалипсисом, обрушившимся на коренных жителей Сибири, не исчерпывается у писателя лишь процитированными выше отрывками повестей *Прощание с Матерой* и *Пожар*. Многие герои прозы В. Распутина, старожилы сибирских деревень, обсуждая происходящее, определяют его не иначе, как «светопреставление», причем упор делается, как правило, на то, что они вынуждены оставлять могилы своих сородичей. Такой взгляд присущ и Агафье, героине рассказа *Изба*, в одиночку собиравшейся на новое поселение: «Деревней переезжать – все равно что без огня погореть, а уж когда вся волесть, вся долина на полтысячи верст поплыла с насиженных мест в тайгу, бросая могилы и старину, – такое переселение и сравнивать не с чем» (Распутин, 2010 : 452). В автобиографическом рассказе *В непогоду* автор, в свою очередь, вспоминает деревенскую соседку, тетку Улиту, которая, по его словам, «больше всего в конце жизни [...] радовалась тому, что не суждено ей было остаться под пучиной вод, затопившей старые ангарские деревни и кладбища после строительства гидроэлектростанции» (Распутин, 2010 : 505).

Значительное место экологическим и социально-нравственным проблемам отведено В. Распутиным в сборнике очерков «Сибирь, Сибирь» (1991 и послед. изд.), анализ которых выходит, однако, за рамки наших исследований. В завершение этой темы хотелось бы, вслед за К. Партэ, остановиться на другом произведении сибирского писателя: «В Повести В. Распутина *Вниз и вверх по течению* автор вспоминает, что островов около его деревни больше не существует. По проекту строительства гидроэлектростанции затоплены такие места, как Хлебник и Березовик, где он мальчиком собирал смородину, дикий лук и чеснок, пахал землю, объезжал коней и косил сено. Вода скрыла эти острова, и они исчезли» (Партэ, 2004 : 65).

При этом, как справедливо подчеркивается американской слависткой, тема пагубной для экологии Сибири политики, а также духовных потерь, нанесенных этой политикой жителям сибирского края, широко представлена и в творчестве других писателей-«деревенщиков»: «Деревенская проза рассказывает о тысячах таких мест, потерявших свою красочную индивидуальность под ударами технического прогресса» (Партэ, 2004 : 66).

Тема сохранения памяти о покойных близких затрагивается В. Распутиным и в других произведениях, в том числе в рассказе *В ту же землю* (1995), где внимание уделяется нелегальному кладбищу, созданному городской беднотой. Но если в ранее анализированных произведениях повествовалось, главным образом, о безнадежной борьбе за сохранение мест упокоения усопших в переломный для всего региона период, то в данном случае речь идет об отчаянных попытках главной героини, похоронить умершую мать в условиях аномального общественного устройства.

Отсутствие городской прописки у покойной, согласно действующему законодательству, лишает ее права на захоронение в городе. Как отмечает Н. Тендитник: «Сложности времени обуславливают алогизмы психики, непоследовательность, «странность» поступков» (Тендитник, 1988 : 221). Итак, Пашута решает возвести могилу матери нелегально, на лесной поляне в окрестностях города. И, хотя похороны совершаются вопреки установленному законом порядку, равно как и человеческим и религиозным нормам, однако, на наш взгляд, можно этот поступок истолковать как неимоверные старания героини доступными ей средствами почтить и увековечить память матери. Поэтому она с такой тщательностью подбирает место захоронения² и старается, насколько это возможно, выполнить надлежащие обрядовые действия. При выборе места материнской могилы (где, кстати, позднее возникают следующие) Пашута руководствуется как его живописным расположением, так и близостью к своему месту проживания, чтобы в последствии без особых сложностей навещать покойную. Это отчетливо свидетельствует о том, насколько важно для нее хранить и оберегать память о матери.

При этом, смерть и похороны Аксиньи Егоровны заставляют ее дочь Пашуту вспомнить о своих корнях, об упокоившейся до нее родне. Можно полагать, что в ее сознании начинает восстанавливаться оборванная в связи с переездом в город нить преемственной связи с предками. Еще одно свидетельство сказанному – на протяжении всего рассказа встречаем многочисленные мысленные обращения героини к деревенскому прошлому с его нравственными устоями и религиозно-культурными традициями. Посещение же в финале рас-

сказа некрещеной и далекой от религиозных практик женщиной церкви, позволяет говорить о некой динамике образа героини, в котором прослеживается воскрешение родовой памяти и возрождение православной духовности.

Тема памяти, однако, уже в совсем другом ракурсе, затронута В. Распутиным в повести *Живи и помни* (1974). Если до сих пор сохранение памяти о прошлом рассматривалось нами как необходимое условие построения полноценного будущего человека, то в данном произведении автор описывает поступок, совершенный героем Андреем Гуськовым, который останется в памяти односельчан как бесчестный и способный покрыть позором весь его род – родителей, жену и еще не родившегося ребенка. Андрей – дезертир, сбежавший с войны и скрывающийся в окрестностях родного села. Он ясно осознает, что нет ему оправдания за содеянное и это отражается в одном из его внутренних монологов: «[...] память о человеке, которая идет к людям, наверняка знает себе цену, поэтому память о тебе вечно будет стыдиться и прятаться, как прячешься сейчас ты. Не надейся, ни на что не надейся – тебе и тут ничего не светит» (Распутин, 2010 : 207).

Единственным человеком, которому Андрей доверяет свою тайну, является его жена – Настена. Поскольку она любит мужа, то разделяя с ним чувство вины, пытается помогать ему всеми доступными средствами, но когда обнаруживает, что беременна, с большой тревогой думает о будущем, которое ждет их ребенка. Она знает, что независимо от того, что сделает Андрей – добровольно сдастся под суд или навсегда покинет родные места – ребенку всю жизнь придется расплачиваться за низменный проступок родителя: «[...] все равно на ребенка после этого падет слава, от кото-

рой он хотел его уберечь: ходил-де в свою пору слух, что отец ему – бегляк с войны. И ничем эту славу не вытравить [...]. Стало быть, и ребенок родится на стыд, с которым не разлучаться ему всю жизнь. И грех родительский достанется ему, суровый, истошный грех [...]. И не простит, проклянет он их – поделом» (Распутин, 2010 : 292).

Настене во время ночной переправы через Ангару на свидание с мужем чудится парящий над водой «неживой дух – дух размытого старого кладбища» (Распутин, 2010 : 292). Причалив к берегу, героиня теряет дорогу и в поисках её падает прямо в одну из могил «кладбища утопленников», которого избегала даже днем, считая его место запретным и оттого боясь: «Кладбище это развел за лето Мишка-батрак [...]. Нынче, как никогда, много несло утопленников – отчего? – война кончилась, надежды стало больше – или жизнь сделала слишком крутой крен и не все удержались на повороте, слабые попадали в Ангару? Кто знает...» (Распутин, 2010 : 294). Так, образ кладбища в повести *Живи и помни*, в отличие от ранее проанализированных произведений, введен в качестве плохого предзнаменования и может служить предвестием трагического финала.

И, действительно, уставшая от жизненных противоречий, узмучившаяся от неразрешимости моральных вопросов, героиня в конце повести бросается в воды Ангары. Найденное на берегу тело женщины по неписанному закону деревни должно быть похоронено на «кладбище утопленников», однако, из текста следует: «Бабы не дали. И предали Настену земле среди своих, только чуть с краешку, у покосившейся изгороди» (Распутин, 2010 : 300). Таким образом, можно полагать, что в понимании односельчанок, несмотря на причаст-

ность Настены к вине мужа, принесенная «в жертву» её собственная жизнь и жизнь неродившегося ребенка искупляет содеянное и героиня заслуживает светлой памяти о себе.

В заключение хотелось бы сказать еще несколько слов о поэтике прозы В. Распутина. Благодаря приему несобственно-прямой речи, к которому он нередко прибегает в своих произведениях, в них с убедительной силой звучит авторский голос, ратующий за сохранение как природных ресурсов родной страны, так и народно-христианских устоев в атеистическом, идущем в ногу с научно-техническим прогрессом обществе, о чем писатель неоднократно открыто высказывался в своих публицистических работах. В свою очередь, факт, что многие произведения автора *Прощания с Матерой* основаны на локальном материале, а его излюбленные герои в большинстве своем имеют свои первообразы в реальной действительности, является свидетельством глубокой любви и привязанности В. Распутина – человека и художника – к «малой родине», память о которой он пытается сохранить и донести до сознания следующих поколений читателей в художественном слове. И не только в художественном, так как с прозой писателя соотносятся многие его внелитературные высказывания. В качестве примера приведем отрывок из его выступления по иркутскому телевидению: «Малая родина», место, где человек родился и вырос, имеет, как мне кажется, для каждого из нас, а для писателя в особенности, огромное значение. Это та «пуповина», которая связывает его с предшествующими поколениями: та земля, по которой он сделал первые шаги; та речь, которой он научился и которая стала для него родной; та любовь, дороже которой ничего нет. И сколько бы потом ни ездил че-

ловец, какие бы диковинные края ни повидал, чему бы ни научился и что бы ни постиг – он обязательно и невольно все соотносит с отчим краем и домом, для него они на всю жизнь остаются центром Земли, от которого идет отсчет всех остальных понятий и открытий» (Тендитник, 1988 : 200).

Обозначенная в заглавии настоящей статьи проблематика не исчерпывается в творчестве Валентина Распутина лишь приведенными нами примерами, однако, на наш взгляд, они являются достаточно убедительным свидетельством тому, что для сибирского писателя очевидными вопросами существования полноценного настоящего и будущего являются: сохранение уважения к умершим, поклонение предкам, почитание родовых связей и национальных традиций, т.е. все то, что и составляет понятие родовой памяти. Всё это невозможно без налаживания прочных душевных и духовных уз в мыслях живущих с их усопшими близкими. И знаковым местом, и, пожалуй, единственным, может быть кладбище, как пространство памяти, где нить связи поколений не утрачивается, а обретает глубинный смысл и первостепенное значение.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Если не указана фамилия переводчика – перевод автора статьи.
- [2] «Внутренне пространство острова организовано священными объектами: «царь-дерево», кладбище, роща» (Ковтун, 2009 : 335).
- [3] «Въехали на полянку среди редколесья [...]. Вокруг стояли сосны, а с темной, с северной стороны высоко и могуче вздымались из одного корневища, расходясь, как сиамские близнецы, на высоте человеческого роста две лиственницы. Других таких во всем лесу быть не могло.

Будут стоять как сторожа над материнской могилой. Да, здесь разводить могилу, ничего другого можно не искать. Полянка небольшая, но, должно быть, веселая и приветливая при свете и солнце, в мягкой хвойной подстилке с негустой травой. Из города слабо помелькивали сквозь лес огни, но город оставался недалеко [...]» (В. Распутин, *В поисках...*, 2008 : 289).

ССЫЛКИ

- [1] J. Kolbuszewski, *Cmentarze*, Ed. Wrocław, Poland: Wydawnictwo Dolnośląskie, 1996.
- [2] К. Партэ, *Русская деревенская проза: светлое прошлое*, Ed. Томск, Россия: Издательство Томского университета, 2004.
- [3] Н.В. Ковтун, *Деревенская проза в зеркале утопии*, Ed. Новосибирск, Россия: Издательство Сибирского отделения РАН, 2009.
- [4] Д.С. Лихачев, *Письмо сорок первое. Память культуры*. [Online]. Available: <http://grani.agni-age.net/edu/likhachev14.htm> [Web. 25.08.2013].
- [5] Д.С. Лихачев, *Письмо сороковое. О памяти*. [Online]. Available: <http://grani.agni-age.net/edu/likhachev14.htm> [Web. 25.08.2013].
- [6] Н.С. Тендитник, *Открытое слово писателя*, [In:] Еadem, *Энергия писательского сердца: литературно-критические очерки*, Ed. Иркутск, Россия: Восточно-Сибирское книжное издательство 1988.
- [7] В. Распутин, *Повести*, Ed. Москва, Россия: Советская Россия, 1986.
- [8] В. Распутин, *Век живи – век люби. Повести, рассказы*, Ed. Иркутск, Россия: Издатель Сапронов, 2008.
- [9] В. Распутин, *В поисках берега. Повести, рассказы, статьи*, Ed. Москва, Россия: Русский мир, 2008.
- [10] В. Распутин, *Живи и помни. Повести и рассказы*, Ed. Москва, Россия: Издательство Астрель 2010.
- [11] Краеведческий сайт МУК «Межпоселенческая библиотека Братского района. Глава: «Затопление». [Online]. Available: <http://vihbiblioteka.narod.ru/html/zatoplenie.html> [Web. 23.08.2013].

